

VI. РЕЦЕНЗИИ

М.К. Чуркин

Дорофеев М.В. Крестьянское землепользование в Западной Сибири во второй половине XIX века. Томск, 2009. 319 с.

С конца 80-х – начала 90-х гг. XX столетия – времени, когда отечественная историческая наука медленно и мучительно стала освобождаться от «кокона» идеологических запретов, выработывая новые методологические подходы к оценке исторического прошлого, в поле зрения исследователей всё чаще стали попадать проблемы, рассматриваемые ранее в качестве периферийных. К их числу следует отнести и вопросы изучения сословной ткани российского общества через призму такого понятия, как менталитет, с использованием междисциплинарных методик, что в известной степени свидетельствует о гуманизации и антропологизации процесса исторического познания.

В этой связи предметом пристального интереса специалистов сегодня становится, по определению основоположника методологии рефлексивного крестьяноведения Теодора Шанина, «неудобный» класс – крестьянство, наиболее массово представленный в социальной структуре российского общества во второй половине XIX – начале XX в. К сказанному необходимо добавить и то, что осмысление исторического пути русского крестьянства в контексте социально-экономических процессов, игнорируя мнение скептиков, может, вне всякого сомнения, считаться делом благородным, поскольку речь идёт о давно утраченном общественном слое, обладавшем оригинальными стереотипами поведения и мышления. Таким образом, реконструкция моделей сословного поведения крестьянства, форм хозяйственной деятельности, внутрисемейных особенностей взаимоотношений, бытовых и культурных черт является на настоящий момент первостепенной задачей историков, специализирующихся в данной области.

Монография сибирского историка Михаила Васильевича Дорофеева, посвящённая вопросам крестьянского землепользования в Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в., в полной мере вписывается в контекстные параметры новой методологии изучения истории крестьянства, в рамках которой хозяйственно-экономические атрибуты существования и деятельности означенной социальной категории амортизируются выявлением роли и влияния природно-климатических и политических факторов. Немаловажным в постановке задач научного сочинения М.В. Дорофеева следует признать и внимательное отношение исследователя к субстанциональной значимости таких категорий, как правовые представления крестьян и механизмы действия обычного права в сельской среде, а также общинном характере социальной организации крестьянского сообщества. По нашему убеждению, подобный подход к исследованию заявленной проблемы позволяет

преодолеть шаблонное и тенденциозное отношение к крестьянину как к пассивному объекту исторического действия.

Знаковым событием в историографии вопроса рецензируемое монографическое исследование делает и весьма удачная попытка автора соотнесения формирующейся в Зауралье системы земельных отношений с переселенческим процессом. По утверждению П.Н. Милюкова, «последний продукт колонизационного усилия России – и её первая колония – Сибирь... была и остаётся предметом эксплуатации метрополией её естественных богатств». В этом смысле обращение М.В. Дорофеева к деятельностной роли в организации крестьянского землепользования системы политико-административных решений представляется нам крайне важным, тем более, что это значительно расширяет возможности понимания хода современных экономических процессов в России и Сибири.

По замечанию автора, сложность историографического обзора по заявленной проблематике заключается в том, что вопросы крестьянского землепользования не рассматривались в целом, а были лишь фрагментарно представлены в работах, посвящённых аграрной истории региона. Нам видится, что опасения автора напрасны, так как подобное положение вещей априори предоставляет исследователю определённую творческую свободу, а обнаружение пустот в изучении вопроса открывает шлюзы для научных открытий. Избрав хронологический принцип в качестве критерия анализа подходов и взглядов историков и общественно-политических деятелей на различные аспекты крестьянского землепользования за Уралом, М.В. Дорофеев на первых страницах историографического раздела замечает, что сибирский регион ещё во второй половине XIX в. был мало известен столичной интеллигенции и читающей публике «внутренней» России, оставаясь своеобразной *terra incognita* для русского общества (разрядка моя. – М.Ч.). Признавая справедливость этого высказывания, заметим, что оно верно лишь отчасти. Действительно, регулярные публикации, посвящённые аграрным миграциям, стали появляться на страницах «толстых» журналов только в конце 1880-х гг., однако научно-публицистический интерес к региону возник значительно раньше. Именно в 1870-х гг. деятельность различных обществ по исследованию Сибири, а впоследствии организация ВСОИРГО в Иркутске и ЗСОИРГО в Омске способствовали не только накоплению географических, этнографических сведений о Зауралье, но и постепенному вовлечению в дискуссию о будущем Сибири печатных органов и специалистов. Первые статьи и заметки, предметом которых стали вопросы численности мигрантов, направления переселенческих потоков, мест выхода и водворения переселенцев, публиковались на страницах таких общественно-политических журналов, как «Дело» (1865–1880 гг.) и «Вестник Европы» (1867–1905 гг.).

Вполне закономерным и оправданным представляется выделение автором в качестве приоритетных работ общесибирской тематики, вышедших из-под пера исследователей либерального толка, для которых Сибирь стала не только предметом досконального изучения, но и второй родиной. Действительно, трудно обнаружить более детальные описания естественно-географических условий региона, характеристики общественной жизни и

земледелия, чем в трудах Н.М. Ядринцева, Г.Н. Потанина, С.П. Швецова. Исследователю удалось показать основные направления научной деятельности данной группы учёных-сибиреведов, в том числе и в части вычленения провинциального своеобразия региона.

Весьма спорным выглядит раздел, в котором речь идёт об отношении дореволюционных историков и общественно-политических деятелей к роли общины в Сибири. Апологетика крестьянской социальной организации действительно присутствовала в воззрениях и трудах русских славянофилов. Вместе с тем столь одиозная оценка их взглядов нам кажется неправомерной. Славянофилам, как наиболее образованному сегменту русского общества, было свойственно не только упоение общинными формами жизни простонародья, но и изрядный скепсис, а также критическое отношение к реальному состоянию крестьянской общины. Чего стоит только крылатое высказывание А.С. Хомякова о том, что «русский мужик по одиночке в рай не попадёт, а всей деревней – не возьмут». Столь же неоднозначным было отношение к потенциальным возможностям общины в Сибири у региональных исследователей – либеральных народников. Так, например, Г.Н. Потанин полагал, что русская община при переходе через Урал исчезнет в силу земельного простора в регионе. Его оппоненты С.П. Швецов, С.Л. Чудновский, П.А. Голубев, напротив, настаивали на неизбежности общинной консолидации земледельческого населения, ставя во главу угла природно-климатические условия региона и его географическую расчленённость.

К сожалению, в целом успешная характеристика М.В. Дорофеевым подходов дореволюционных исследователей к процессу организации крестьянского землепользования в Западной Сибири, оказалась неполной. Каким-то невероятным образом ему удалось, описывая процесс формирования отношения специалистов к крестьянскому землепользованию за Уралом, исключить из спектра исследователей вопроса выдающегося русского статистика А.А. Кауфмана, притом, что основной массив монографии построен на материалах, предоставленных именно им. Автор монографии обоснованно полагает, что сведения о крестьянских хозяйствах Сибири, собранные Кауфманом, составляют важный сегмент источниковой базы работы. Вместе с тем А.А. Кауфман внёс весомый вклад в изучение экономического быта крестьян Сибири, экономики и статистики крестьянского хозяйства Зауралья, о чём свидетельствуют его наиболее крупные обобщающие труды: «Вопросы экономики и статистики крестьянского хозяйства», «Земельный вопрос и переселение», «Переселение и колонизация».

Нельзя не согласиться с мнением автора о том, что в последующий (советский) период историографии вопроса рассмотрение проблем истории крестьянства вообще и крестьянского землепользования в частности производилось в рамках марксистской парадигмы. Гипертрофированный «экономизм» и пропагандистские мотивы в исследовании вопроса ставили авторов в жёсткие рамки, лишая возможности рассматривать соотношение динамики развития крестьянских хозяйств с природными условиями и политическими факторами, что было чревато обвинениями в географическом детерминизме и космополитизме. В то же время М.В. Дорофееву на страницах своей моно-

графии удалось показать сильные стороны отечественной исторической науки в этот период, что выразилось в способности к методичному накоплению фактического материала, вынужденной, но, как оказалось, весьма полезной регионализации научных исследований в области изучения поземельных отношений и аграрной политики.

Говоря о постсоветском этапе исследования проблемы, автор монографии весьма уместно отмечает тот факт, что новые подходы к изучению различных сторон крестьянского хозяйства, конституирующиеся в этот период, стали следствием общественной идеологизации, возможности плюрализма мнений. Аккомодация релятивистских теорий и идей, в плане научной рефлексии по крестьянскому вопросу, наиболее явственно проявилась в заимствовании и адаптации на русскую историографическую почву нового направления в изучении аграрной тематики – рефлексивного крестьяноведения. Именно с этого момента стартует процесс оформления многофакторных подходов к анализу исторических явлений, в том числе и тех, которые фокусировались в зоне аграрной истории. Симптоматично, что кратковременное «ощепенение» науки на фоне солирования публицистики, что верно подмечено автором монографии, сменилось включением в исторические исследования фундаментальных областей знания, и, что отрадно, возобновились крестьяноведческие изыскания. На этой волне значительно расширились географические границы изучения крестьянского вопроса, с привлечением инструментария смежных наук: психологии, социологии, этнологии, географии, что и констатирует в своей работе М.В. Дорофеев. Объектом внимания и научного интереса историков-крестьяноведов с подачи Л.В. Милова становится проблема роли природно-географического фактора в русской истории и влияния его на базовые структуры народнохозяйственного комплекса, и в частности земледелие как отрасль, эффективность которой в условиях русской равнины была и остаётся наиболее лимитируемой климатической составляющей.

По сути дела, с авторского заявления о слабости разработки темы природно-климатического фактора в отечественной историографии (С. 38), а также тезиса о расположении *всего земледельческого пояса Западной Сибири в зоне рискованного земледелия* (курсив мой. – М.Ч. С. 7, 82) и начинается основная часть исследования М.В. Дорофеева, несомненно, побуждающая к заочной полемике.

С нашей точки зрения, авторский опыт выяснения природно-климатических условий земледельческой полосы Западной Сибири можно рассматривать как объективно необходимый и плодотворный, особенно в аспекте изучения процесса становления крестьянских хозяйств в Сибири, специфики крестьянского землепользования. В то же время выводы М.В. Дорофеева, содержащиеся в заключительной части первой главы, в соответствии с которыми природно-климатические условия региона были изучены неполно и фрагментарно, на наш взгляд, несколько эмоциональны и преждевременны. Уже во второй половине XIX – начале XX в. весомый вклад в их исследование внесли работы Н.М. Ядринцева и П.П. Семёнова-Тян-Шанского (общегеографическое описание колонизируемых районов),

П.М. Брейтигама, Н.О. Осипова (характеристика климата Сибири), К.П. Горшенина, В.И. Баранова (анализ состояния почв и растительности). В советский период к данной проблематике обращался В.В. Покшишевский, детально осветивший в своей работе «Заселения Сибири» вопросы о соответствии ландшафтных условий мест выхода и водворения мигрантов, а В.И. Шадурский дал развёрнутые характеристики эволюции систем землепользования в Зауралье в связи с обстоятельствами климатического и географического характера. Отметим, что и в последние годы научные работы, в рамках которых обсуждается роль и степень влияния климата на различные стороны жизнедеятельности сибирских крестьян, в том числе и земледельческую практику, издаются достаточно часто (см., например, работы В.А. Зверева, К.В. Скобелева, К.А. Чуркина).

По поводу субъективного мнения автора относительно тотально рискованного земледелия в Западной Сибири заметим, что риски в такой народно-хозяйственной отрасли, как хлебопашество, отсутствуют только в субтропических условиях, где вегетация растений происходит круглогодично. В этой связи возникает вопрос, в каких районах Российской империи крестьянин с точки зрения процесса и результатов своего труда чувствовал себя более комфортно: в чернозёмной полосе с деградированными почвами, оврагами, сыпучими песками, чересполосицей и малоземельем, или на юге Тобольской губернии в подтаёжной полосе, где удобное расположение пашни к лесу гарантировало ему более или менее сносные урожаи? К сказанному следует добавить, что применительно к хозяйственной деятельности крестьянина-переселенца, попытки сопоставления климатических условий Европейской России и азиатской её части в целом бесплодны по двум основаниям. Во-первых, ещё И. Гмелиным и К. Максимовичем на основании флористических данных была установлена однородность климата европейской части России и Сибири до Енисея (где и были сосредоточены пашни). В обоих случаях речь идёт о континентальном климате с наличием постоянной тенденции перехода к резко-континентальному. Именно частота отклонений от нормальных значений (флуктуации температур, сокращение общего количества осадков и их неравномерность по территориям и сезонам года), что называется, «напрягала» крестьянина. Однако напряжение это усугублялось в большей мере тяжёлым переездом, разрывом связей с местами прежнего проживания, что оседлого, традиционного человека погружало в состояние глубокого шока. Во-вторых, если крестьянин попадал в условия постоянных рисков, чем можно объяснить тягу к переселениям, за исключением только лишь мифологических побуждений его сознания?

Намного объективнее и сдержаннее суждения автора в той части монографии, где речь идёт об определении возможностей земледельческого освоения региона. М.В. Дорофееву удалось очертить ареалы возможного расселения мигрантов, показать истинные масштабы колонизационного фонда и его реальной ёмкости. Столь же аккуратен исследователь и в вопросах описания регулирования земельных отношений, а также переселенческой политики российского правительства.

Михаил Васильевич Дорофеев в заключительной части работы, с опорой на достаточно убедительную аргументацию, доказал, что крестьянское землепользование в Западной Сибири испытывало на себе комплексное воздействие природно-географических условий, переселенческой политики, логики землеотводных работ, что в конечном итоге определяло степень его эффективности.

Наряду со спорными моментами, а также очевидными достоинствами в работе можно отметить и некоторые недостатки. Так, например, в приложении 12 приводится диаграмма движения переселенцев в Сибирь из Европейской России с 1882 по 1899 г. Однако хронологические параметры исследования М.В. Дорофеева простираются значительно шире как в верхнем, так и в нижнем пределе. Отсутствие данных по пропущенным годам значительно снижает степень репрезентативности работы.

Изумляет и формулирование хронологических границ, в особенности исходных. Исследователь полагает, что именно с создания Второго Сибирского комитета в 1852 г. «сформировался правительственный *взгляд на Сибирь как на равноправную часть государства, а не колонию*» (курсив мой. — М.Ч.). И это при том, что вплоть до строительства Сибирской железной дороги в 1890-х гг. власти рассматривали регион лишь в качестве средства решения аграрного вопроса в центре страны, не заботясь о его социально-экономическом развитии, что подтверждают и выводы автора по первому параграфу третьей главы (С. 217).

Крайне ограниченный перечень понятий по аграрной тематике (см. Приложение) является совершенно неинформативным для специалистов и вряд ли сможет заполнить пробелы в познании вопроса у той категории лиц, которых автор корректно конституирует как «всех интересующихся историей» в аннотации к монографии.

Невзирая на некоторые недостатки, встречающиеся на страницах монографии, фундаментальный труд М.В. Дорофеева имеет бесспорное достоинство, всегда высоко ценимое в научно-исторических кругах. Монография исследователя носит ярко выраженный полемический характер и предполагает столь долгожданное оживление дискуссии по всем спектрам истории аграрных отношений в дореволюционной России.